

Содержание цикла «Старый Свет»:

Книга 1. Поручик

Книга 2. Специальный корреспондент

Книга 3. Атташе

Книга 4. Флигель-Адъютант

Евгений Капба

Старый Свет
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ

КНИГА 2

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
К20

Капба Е.

К20 Старый Свет. Книга 2. Специальный корреспондент /
Е. Капба, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM,
2023. — 274 с. — (Старый Свет).

Гражданская война окончена. Страна отстраивается, привыкает к мирной жизни. Солдаты возвращаются домой — становятся у станков, операционных столов, плугов и преподавательских кафедр. Что может быть лучше, чем заниматься любимым делом, нести неокрепшим юношеским умам разумное, доброе, вечное? Разве что — приезд старого друга и предложение, от которого невозможно отказаться... Бросить все, взять в руки блокнот, карандаш и револьвер и отправиться на край света? Ну, а почему бы и да?

BIC FM
BISAC FIC009000

© Евгений Капба, текст, 2023
© ИДДК
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-91100-4

Памяти Александра Грина

Часть первая

Глава 1

Любимое дело

Я достал из рундука родное хаки и отряхнул его от пыли. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь щель в шторах, подсветили целые сонмы мельчайших частиц, которые взмыли в воздух и закружились по комнате. Невыносимо захотелось чихнуть, но удалось сдержаться, наморщив нос.

Следом за кителем на свет божий появились галифе, сапоги, португез с револьвером и фуражка — такая же мягкая, как в последний раз, когда я надевал её. Мне никогда не нравились фуражки. Вот и сейчас уставной головной убор отправился в сторону, как и свёрток с погонями и наградами, который даже разворачивать не хотелось — на зубах всякий раз появлялась оскомина.

Следовало позаботиться и о хлебе насущном: пара банок тушёнки, краюха ржаного, початая, но плотно закупоренная бутылка вина, фляга с водой, какие-то слегка пожухлые огурчики и желтоватая петрушка — это было совсем неплохо. Видали и похуже!

Вещмешок-сидор отправился в сторону — вот о чём я скучать не буду, благо теперь у меня имелся вполне приличный кожаный ранец. Из платяного шкафа в него перекочевали две смены белья, тёплый вязаный свитер и костюм поцивильнее — брюки в полосочку и сорочка.

С полки я достал парочку дорогих сердцу книг и толстую тетрадь, которую использовал для записей. Скатка с шинелью пристроилась в крепления снизу — красота!

Бежал ли я? О да.

Ситуация назревала скверная. Как говаривал мой знакомый особист с непримечательным лицом, у каждой проблемы есть фамилия, имя, отчество. Лиза, Елизавета Валевская — вот как её звали. Свеженькая, миленькая, с пшеничного цвета волосами, яркими голубыми глазами, всегда готовыми к улыбке, и восхитительно алеющими в самый неподходящий момент щёчками. Очень, очень хорошая девочка.

В гимназии, где я работал последние три года, в соответствии с новыми веяниями имелись и мужские и женские классы. Никаких проблем с девочками в целом не было — прилежные, послушные, старательные — такие ученики просто мечта любого учителя, который до этого дирижировал ротой здоровенных мужиков. Проблема была с их родителями.

По итогам Великой войны, по самым скромным подсчётам, погиб каждый десятый имперский мужчина призывного возраста. Гражданская война также собрала свою кровавую жатву. Дефицит женихов образовался жесточайший, и конкуренция за подходящую партию порой доходила до абсурда.

Всё это время мне удавалось избегать пристального внимания вдовушек, строящих матримониальные планы. Наверное, дистанция, которую я установил между собой с одной стороны и коллегами и попечительским советом с другой, всё-таки играла свою роль. Ну да, пришлось прослыть чудаком, но это чужачество легко списывали на пережитое на

фронте. Да и, откровенно говоря, учителем я был хорошим — поэтому прощалось многое.

Но теперь меня припёрли к стенке. В буквальном смысле слова. В последний день четверти меня поймала на улице весьма респектабельная пара и, совершив обход с обоих флангов, завершила окружение у манящей изобилием товаров стеклянной витрины универсального магазина.

— Понимаете, — сказала миловидная женщина неопределённого возраста, — девочка очень страдает.

Я не понимал.

— Вы должны войти в положение. — Было видно, что эти слова даются импозантному господину с видимым трудом, — У неё есть ваша фотография из газеты, она прячет ее под подушкой. Плачет вечерами, а я не могу позволить, чтобы моя девочка плакала.

— Я читала её дневник — там всё про вас, — снова подала голос дама.

Мои ощущения были сродни лёгкой контузии. Эти двое натурально втирали мне какую-то дичь. Мозг же независимо от моего желания совместил идеально-симметричный нос мужчины и его открытый лоб с голубыми глазами и изящной шеей дамы — и картина сложилась.

— Лиза, — сказал я. — Вы пришли из-за неё.

Ну да, она смущалась и краснела всякий раз, когда мне приходилось вызывать её. Да, она всегда тщательно следила за своей внешностью и иногда задерживалась в аудитории чуть дольше, чем было необходимо, но...

Наше время породило миллионы подранков. Бывшие беспризорники, сироты круглые, над которыми взяла опеку империя или её сердобольные граждане, и сироты, потерявшие одного из родителей... Нынешние подростки, юноши и девушки, выросли в ужасающих условиях, и мало кто из них избежал участи быть свидетелем дел кровавых и жутких, которые вовсе не предназначены для детских глаз.

Многим из них хотелось внимания — независимо от пола, социального происхождения и имущественного положения. Просто необходимо было перекинуться несколькими словами с взрослым, который говорит с ними не чинясь, слушает и воспринимает как равных. Я старался, ей-Богу. Мне было до одури их жалко.

Но рассматривать ученицу в качестве будущей спутницы жизни или того хуже, мимолётного увлечения? Упаси Господь! Ничто человеческое мне, конечно, не чуждо, да и девицы в семнадцать лет вполне привлекают мужское внимание... Однако есть же, в конце концов, понятие о том, что такое хорошо и что такое плохо!

Госпожа Валевская-старшая посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

— Я думаю, объявить о помолвке сразу после выпускного бала будет вполне уместно.

А я думал, что вполне уместно будет скорее пустить себе пулю в лоб.

— Вы несвободны? — встревоженно уточнил её супруг.

— Нет, дело не в этом... — попробовал начать маневрировать я. Но эти двое, видимо, всё уже решили для себя.

— Я понимаю, что вы небогаты, — кивнул господин Валевский. — Но у вас кристальная репутация — это дорогого стоит в наши дни! Не переживайте, я дам солидное приданое, сможете открыть частную школу или другое дело по душе — это вы сами решайте с Лизонькой, настаивать не буду.

Внезапно передо мной замаячил выход из сложившейся ситуации.

— Позвольте, — сказал я решительно и шагнул в сторону — прямо туда, где вращалась приводимая в движение электромотором автоматическая четырёхлепестковая дверь универсального магазина.

Они не сразу поняли, что я сбежал. Этот дошло до них

только в тот момент, когда подошвы моих штиблет выбивали дробь по лестнице, ведущей на цокольный этаж, — там должен был быть чёрный ход.

Директора я уведомил в письменном виде — послал заявление по почте. Это было приемлемо — в конце концов, учебный год кончился, экзамены сданы, ведомости подписаны. Найдут они себе другого магистра-гуманитария... Оставалось только улизнуть из города незамеченным!

Я как раз сбрил отросшие усы и бородку и искал взглядом, чем бы утереться, когда пришлось хвататься за револьвер и тыкать им в незваного гостя, а после козырять, щёлкая тапками друг о друга.

— Ваше превосходительство? — Вот уж кого я точно не ожидал тут увидеть!

Артур Николаевич, как всегда великолепный, стоял прямо у меня за спиной и протягивал полотенце.

— А я смотрю, хватки ты не растерял! — довольно хмыкнул бывший регент и отвёл ладонью ствол револьвера в сторону. — Уже совсем бежите или на чаю попить времени хватит?

У этого старого тигра в глазах плясали смешинки — он явно всё знал! Я выдохнул:

— Чаю? Можно и чаю...

Чай у меня был хороший — молочный улун с другого конца света. С десяток сухих скрученных листочков шуршали и стукались на дне жестянки — этого как раз должно было хватить на две чашки.

— Присаживайтесь, например, в это кресло, — предложил я и поспешно убрал с подлокотника свёрток с погонами и наградами.

Этот торопливый жест не укрылся от цепкого взгляда

Крестовского. Он принял у меня чашку чая, а потом достал из моего ранца за уголок тонкую серую книжечку в сером же переплёте.

— Это ведь ваше? Почему не подписались собственным именем? Достойная вещь, прямо скажу. У нас в столице её перепечатывают на папиросной бумаге через копирку и продают с рук — расходуется быстрее, чем горячие пирожки. А после того как копии стали проникать за границу, поток репатриантов из эмиграции увеличился чуть ли не вдвое.

Для меня это было новостью. Я и не думал о популярности, когда «Новеллы...» взяло в печать одно заштатное мангазейское издательство. На тот момент меня больше интересовал гонорар, ну и некая доля самолюбования тоже. Писатель — это не какой-то там хаки, да?

— Вот как! — только и смог выдать я. — А откуда вы...

— Император сказал. Кроме вас и него никто не мог знать некоторые подробности.

— Ах да... Действительно. — Я отставил в сторону фарфоровую кружку с отбитой ручкой. — Но вы ведь не о литературе говорить пришли, верно? Поймите меня правильно, я безмерно рад, но...

— Ну почему же не о литературе? Именно о ней. Я всё ещё президент Имперского географического общества и главный редактор журнала «Подорожник». И меня очень интересуют ваши литературные таланты вкупе с другими, не менее подходящими для дела способностями.

Я напрягся. От предложений таких людей не отказываются. Пришлось медленно выдохнуть, вспоминая, кто передо мной. Если уж Артур Николаевич Крестовский, бывший регент всея империи и двоюродный дедушка нынешнего императора, решил побеседовать со мной за чашечкой чая — совершенно точно известно, что беседа эта будет однозначно к вящей славе Господа, на пользу Новой империи, ну и для меня как минимум интересной